

Но вы еще не знаете меня.
Скажите, нет ли в доме этом меди,
А нет, так, может быть, дадут соседи».
«Да нет, зачем, в кладовку я пойду
И медное там что-нибудь найду».
Принес он меди; ровно унц отвесил
Каноник тотчас, говорлив и весел.
(Его грехи устал я вспоминать:
Язык мой слаб – не может передать
То возмущенье, что меня волнует,
Но пусть со мною всякий негодует.
Я, может быть, смогу предостеречь
Несчастных тех, которых, тщась завлечь,
Каноник лестью подло обольщает
И мастерством коварным завлекает.)
Каноник медь в свой тигель положил,
Сосуд по горло в угольки зарыл,
Засыпал порошок и вылил ртуть
И приказал огонь сильнее раздуть.
Каноника искусны были руки.
И всякие проделывал он штуки:
Который раз священник в дураках
Оказывался. Вот и тут монах
Сплав вылил в форму, опустил все в воду
И замутил ее, насыпав соду.
Потом, с молитвою над чаном встав,
Он засучил широкий свой рукав
И, руку опустив на дно сосуда,
Достал пластинку медную оттуда
И незаметно спрятал, а туда,
Пока мутна была вокруг вода,
Из рукава серебряную плашку
Вмиг опустил. Потом, схватив бедняжку
Священника, как бы шутя, за грудь:
«Да что же вы? Помочь хоть чем-нибудь
Вам не мешало б. Руку опустите
И, что на дне там, сами поглядите».
Вздыхнул священник от волненья тяжко
И вытащил серебряную плашку.
Сказал каноник: «Вы скорей меня
Орудуете. С этими тремя
Пластинками мы к ювелиру ходим,
И серебро, как месяц на восходе,
В огне калильном лик свой обнажит.
И пусть душа моя в аду горит,
Коль тот металл не чист, не полновесен».
От радости весь мир казался тесен
Священнику, он был на все готов,
И оба, не теряя лишних слов,
Пошли испытывать металл добытый,
Еще от гари ими не отмытый.
У ювелира он испытан был
Огнем и молотом, и подтвердил
Им ювелир: товар вполне добротный.
Он купит серебро у них охотно.